обрусеніе Туркестанскаго края, но чувство справедливости принуждаетъ меня сказать, на основаніи моего многолѣтняго знакомства съ дѣятельностью народнаго суда, что онъ, лаская патріотическія чувства туземца, не приноситъ ему ничего кромѣ вреда.

Что же касается по отношенію къ намъ, то народный судъ какъ по своей идеѣ, такъ и на практикѣ, является препятствіемъ для необходимаго въ интересахъ жизни сближенія обоихъ народовъ, а потому его необходимо какъ можно скорѣй реорганизовать.

Евгеній Медвѣдевъ.

— —

Сартовская литература.

Очеркъ Гр. Андреева.

За послѣднее время, съ открытіемъ большого количества типографій и литографій и дешевизны цѣнъ на изданія, книжное дѣло сартовъ значительно расширилось. Теперь въ сартовскомъ городѣ на „сахапъ“ (книжномъ) базарѣ до 40 лавокъ и двѣ литографіи, а въ каждомъ незначительномъ сартовскомъ городѣ непремѣнно найдется десятокъ спеціально книжныхъ лавокъ; также нѣтъ ни одного порядочнаго кишлака, гдѣбы не нашлось нѣсколько книжныхъ лавченокъ. Изданіе и продажа между сартами въ настоящее время очень распространены, такъ какъ торговля книгами сейчасъ считается почти самой доходной статьей. Если принять во вниманіе, что издатель сартъ на печатаніе одной книги въ 112 стр. потратитъ среднимъ 115 руб., то выпуская данный экземпляръ въ тысячахъ, и продавая его по 30 и 35 коп. въ Ташкентѣ, а въ провинціяхъ 40 и 45 к. получаетъ огромную пользу. Такое выгодное дѣло вызвало массу предпринимателей—издателей, и теперь десятки тысячъ книгъ наводняютъ всѣ книжные базары Туркестана. Книги всѣ въ переплетахъ и въ сравненіи съ русскими книгами, значительно дешевле, что дѣлаетъ доступными ихъ для бѣднаго класса населенія и повышаетъ спросъ на нихъ.

Конечно, съ большимъ изданіемъ книгъ и громаднымъ спросомъ на нихъ, литература сартовъ значительно подвинулась, и въ свѣтъ начала появляться масса новыхъ изданій. Многіе изъ образованныхъ сартовъ сами начали переводить съ арабскаго и персидскаго, на родной языкъ, также и самостоятельно писать и, войдя въ соглашеніе съ богатыми, (большинство хорошо образованныхъ сартовъ бѣдняки), издавать свои сочиненія. Писатели, какъ у всѣхъ образованныхъ народовъ, стремятся, чтобы ихъ произведенія были бы въ большомъ спросѣ, а такъ какъ большинство читателей сартовъ по своему мало образованно, (имъ недоступны болѣе или менѣ серьезныя книги), то писатели стараются угодить ихъ вкусамъ и пишутъ книги по силамъ ихъ умственнаго уровня и развитія.

Самымъ подходящимъ разрядомъ литературы для народа, соотвѣтствующимъ его пониманію и пользующимся большимъ распространеніемъ между сартами, считается переводная литература съ персидскаго и подраженіе ей—„чесса“—повѣсть, романъ. Другія области литературы не пользуются такою популярностію, какъ эта. Книги эти читаются съ большимъ интересомъ сартами на персидскомъ языкѣ, переводятся на родной языкъ, пишутся подобныя имъ и потомъ въ десяткахъ тысячахъ экземпл. разсылаются по городамъ и кишлакамъ. Неудивительно, что родъ этой литературы пользуется общимъ вниманіемъ и любовью народа, такъ какъ

она самая интересная изъ областей литературы сартовъ, и сюжеты, взятые ею, непосредственно черпаются изъ жизни народа. Это будетъ понятно вообще изъ общаго знакомства съ литературой сартовъ.

Сейчасъ уже настало такое время, когда интересъ русскихъ къ аборигенамъ страны—сартамъ захватываетъ все: интересуются и обычаями, и нравами и занятіями, и увеселеніями; особенно же ихъ нравственными воззрѣніями. Вездѣ находятъ подходящій матеріалъ; работа дѣятельно кипитъ всюду. Но еще много неразработанныхъ областей, куда пытливый умъ европейца еще мало проникалъ, много еще нужно работать, много еще пройдетъ времени, пока ярко не обрисуется умственная и нравственная жизнь замкнутаго въ себя правовѣрнаго люда.

— Изъ такихъ еще мало разработанныхъ областей знанія является сартовская литература. Мало извѣстно еще по литературѣ сартовъ, а, вѣдь, въ литературѣ, какъ говоритъ Бѣлинскій, отражается вся жизнь даннаго народа.

Ни одинъ образованный народъ въ мірѣ не отличается такой бѣдностью въ литературѣ, какъ сарты. Они народъ, тѣсно замуравленный въ рамки религіи, и литература у нихъ строго дѣлится: на литературу религіознаго характера и свѣтскую.

Къ религіозной литературѣ сартовъ относятся всѣ духовныя книги арабовъ и персовъ, а такъ-какъ переводить Коранъ съ арабскаго запрещенно Магометомъ, то на сартовскомъ языкѣ существуютъ только комментаріи на Коранъ.

Всѣ книги духовнаго цикла строго трактуютъ о догматахъ религіи—шаріата; объ отношеніяхъ людей къ Богу—тариката; устава дервишей, пировъ (духовныхъ старѣйшинъ) ихъ законовъ и поученій, подчиненіи имъ муридовъ (послѣдователей, учениковъ)—маруфата; условныхъ правилъ сожительства людей другъ съ другомъ хакикатя.

На эти четыре темы ведутся съ испоконъ вѣковъ жаркія полемики, диспуты, пишутся сотни тысячъ комментарій и трактатовъ преимущественно на арабскомъ и персидскомъ языкахъ. Всѣ эти книги чисто религіозно-схоластическаго характера и доступны только меньшенству образованныхъ сартовъ; они же проходятся въ сартовскихъ духовныхъ академіяхъ мадрасахъ.

Къ этой каттегоріи книгъ можно отнести книги спеціально научныя, также читаемыя образованными сартами: исторія, географія, математика, физика, химія, астрономія, алгебра, педагогика и др науки; сюда же относятся мемуары, различныя замѣтки, лечебники, словари, оракулы, различныя изысканія и др. Всѣ онѣ преимущественно на арабскомъ и персидскомъ языкахъ, почти не переводятся на сартовскій и служатъ только достояніемъ меньшинства образованныхъ ученыхъ сартовъ. Много духовныхъ книгъ, разъясняющихъ догматы религіи, переведены съ арабскаго на сартовскій. Мухтасаръ, Абабиль, Салахинъ и др., но по причинѣ множества арабскихъ и персидскихъ словъ, неизбѣжныхъ при переводѣ по недостатку лексикона сартовъ, онѣ богато уснащаются арабскими и персидскими словами и текстами и содержаніе ихъ туманно и мало доступно для народа. Почему народу въ дѣлахъ религіи приходится довольствоваться только катехизисами часто на сартовскомъ языкѣ—Мухаммати-динъ, (вѣра Магомета) Мингъ-сазель (тысяча вопросовъ) и устными поученіями домуллы (учителя) и имама (вѣроучителя).

Вотъ все, что можно сказать про религіозно-научныя книги сартовъ. Правда, между ними есть особыя книги религіозно-народныя:—сказанія о жатіяхъ святыхъ, пророковъ, религіозныя легенды, сказанія о явленіяхъ природы (тоже духовнаго характера) и др., но эту область литературы можно скорѣе отнести къ свѣтско-народной.

Свѣтскую сартовскую литературу можно раздѣлить на два отдѣла: переводную съ персидскаго и свою чисто народную - сартовскую. Къ первой относятся переводныя произведенія съ персидскаго и подражаніе имъ въ чисто народномъ вкусѣ, а ко второй—произведенія сартовъ поэтовъ-мистиковъ: Суны-Алла-Яра, Ахматъ Ходжи Исавійскаго (Туркестанскаго) Амира Навои, Фузули, Дивона Машраба, Хуваидо и много др. современныхъ поэтовъ подражателей.

Произведенія этихъ поэтовъ религіозно-мистическаго и свѣтскаго характера изъ жизни сартовъ. Эта область литературы самая симпатичная, такъ какъ произведенія ея чисто народнаго характера; на ней подвизаются лучшіе поэты и писатели сартовъ; она также пользуется большою любовью простонародья.

Къ этой области литературы я отношу также историческую литературу сартовъ: „Дужанги-нома“—описаніе войнъ, богатырей, подвиги святыхъ, турецкихъ царей, легенды, сказанія, путешествія. Каждой изъ означенныхъ областей литературы сартовъ я постараюсь дать необходимыя разъясненія, конечно, что можно только въ предѣлахъ газетной статьи.

Возвращаюсь къ переводной литературѣ.

Я уже упомянулъ, что переводная съ персидскаго литература пользуется между высшимъ и низшимъ классами населенія большой популярностью, такъ какъ жизнь персовъ много похожа на сартовскую и соотвѣтствуетъ вкусамъ и наклонностямъ сартовскаго народа.

У всякаго народа есть своя первоначальная (лубочная), если не письменная, то устная литература. Русскій народъ всегда начинаетъ свое самообразованіе съ чтенія Бовы Королевича, Ивана дурака, Похожденіе пошехонцевъ и др. книгъ. Еще Бѣлинскій, въ біографіи Кольцова, восклицаетъ: „кто миновалъ въ дѣтствѣ изъ русскаго народа сказокъ Бобы Королевича, Ивана Царевича и др.?“

Конечно, это объясняется тѣмъ, что въ дѣтствѣ душа стремится къ чему-то чудесному, фантастическому (такова дѣтская природа). Здѣсь же вообще можно сказать, что русскій народъ еще находится въ своей первоначальной чистотѣ, онъ только просыпается отъ вѣковѣчной спячки. И пройдетъ еще много времени, когда русскій мужикъ промѣняетъ добровольно Бову на Пушкина...

Персія, какъ и Россія, находится еще въ своей патріархальной чистотѣ. (Я упомянулъ уже, что народная литература сартовъ позаимствована у персовъ). Книги, которыя она читаетъ, также по преимуществу религіозныя. Наряду съ этимъ читаются и поэты-мистики—Шейхъ Саади, Хафизъ и др. Это поэты философы и не для всѣхъ доступны.

Мѣткій персидскій юморъ, жажда послушать болѣе интересные разсказы, чѣмъ скучныя истины религіи, влеченіе хоть немного позабыться отъ превратностей судьбы, повѣсти о хитростяхъ и изворотливостяхъ женщинъ, анекдоты о любовныхъ похожденіяхъ, все это—сдѣлали цѣлую лубочно-народную литературу. Эта литература, подъ

общимъ именемъ кесса (разсказъ, повѣсть, романъ) есть яркій выразитель жизни восточныхъ народовъ.

Это не наши сказки про Бову, гдѣ нѣтъ почти ничего русскаго. Въ „кесса“ живо обрисовывается религіозность народа, его природная страстность, хитрость женщинъ, народные законы и наказанія, доступность царя для всего народа и многія другія качества характера народовъ востока.

По большей части книга такая начинается слѣдующими словами: „Вѣстники разсказовъ, хранящіе въ себѣ слѣды событій, въ одномъ собраніи народа, повѣдали слѣдующее“ и далѣе начинается самый разсказъ.

Обыкновенно авторъ излагаетъ повѣствованіе съ рожденія героя. Въ повѣстяхъ „Царевичъ Бахрамъ и царевна Гуль-Андамъ“, „Шохъ Санамъ и Гаибъ“ разсказъ начинается съ рожденія самыхъ героевъ—Бахрама и Гаиба. Затѣмъ идетъ обстоятельное описаніе Бахрама въ духѣ народныхъ обычаевъ: съ 1-го год. жизни его отдаютъ нянькѣ; на третьемъ—его учатъ ѣздить верхомъ; на шестомъ—его заставляютъ посѣщать школу, 15 лѣтъ онъ кончаетъ школу и на 17 году его обучаютъ военному искусству. Этимъ заканчивается воспитаніе царевича; изъ него выходитъ юноша, красавицъ собой, который, въ наукахъ, мудрости, силѣ, ловкости не знаетъ себѣ соперниковъ.

Далѣе слѣдуетъ цѣлый рядъ подвиговъ, совершенныхъ Бахрамомъ и Гаибомъ. Всѣ подвиги чисто въ духѣ востока. Герои и участвующія въ нихъ лица дѣйствуютъ строго въ народномъ персидскомъ духѣ.

„Кесса“ „Далла и Мухтаръ“ повѣствуетъ о хитростяхъ женщинъ: Далла въ теченіе всей своей жизни обманывала весь громадный Багдадъ, опять таки Далла здѣсь чисто персидская—восточная женщина. Ея хитрости—хитрости мусульманскихъ женщинъ. Женщина востока, постарайтесь непосредственную зависимость отъ мужа, почти не пользуется свободой; кругозоръ ея умственной жизни очень узокъ: она ничего не видитъ въ жизни кромѣ своего харама (гарема). При такомъ положеніи, конечно, если европейская женщина можетъ свободно распоряжаться своей волей, мусульманская женщина должна хитрить, чтобы только выбраться изъ надоѣвшаго ей „харама“.

И такъ съ малолѣтства видитъ она хитрости своихъ матерей, сестеръ, знакомыхъ, потомъ сама научается хитрить и затѣмъ ужъ свободно водитъ за носъ ревниваго мужа...

Духомъ страстности дышетъ почти каждая „кесса“. Въ ней встрѣчаются такія красавицы, отъ взгляда которыхъ разрушались дома жителей, сольце, при своей блестящей красотѣ, стыдилось взглянуть на нее; ни одинъ еще взглядъ міра не видалъ такихъ красавицъ, говорится въ „кесса“ „Далла Мухтаръ“. Особенно распространено сравненія персидскихъ красавицъ съ дискомъ солнца (монади нурси афтобъ). Отъ одного взгляда на такихъ красавицъ многіе сходили съ ума; тысячами уходили въ пустыню и дѣлались отшельниками; многіе бросали семью и всю жизнь просиживали предъ окнами такой красавицы, чтобы видѣть хоть одинъ чудный взоръ (Чоръ-Дар ишъ, Тутинома). Читая эту поэзію, персъ, сартъ сильно воспламеняется—его страстная восточная натура не знаетъ тогда границъ.

Въ „кесса“ ярко обрисовываются народные обычаи, вѣрованія, суевѣрія. Здѣсь также подчеркается

навѣсъ „харамъ“ и до тонкости описывается вся жизнь. Ѣдкій персидскій юморъ не щадитъ здѣсь своихъ господъ: судей, военачальниковъ, министровъ и царей и мягко высмѣиваетъ ихъ. (Дузди Кова).

Религіозность въ „ксса“ на первомъ мѣстѣ. Всѣ дѣла плохія и хорошія начинаются съ имени Бога. Въ трудныхъ минутахъ всѣ герои обращаются къ Богу, и Богъ никогда не оставляетъ обращающихся къ нему за помощію.

„Ксса“ не лишена также и нравственнаго вывода. Въ „ксса“ „Далла и Мухтаръ,“ Далла, послѣ хитростей которыми она проводила цѣлый Багдадъ, въ концѣ концевъ была посрамлена—ее побили камнями. Авторъ же этой книги, радуясь постигшей гибели Далла, говоритъ „плохой кончаетъ худымъ“. Въ „ксса„ „Се Дервишъ и Адиль Ханъ“ въ заключеніе говорится, что кто любитъ Бога, исполняетъ его завѣты и заповѣди и никогда не ропщетъ на него,—тотъ наслаждается на землѣ и на небѣ; кто же дѣлаетъ наоборотъ, тотъ бываетъ несчастливъ и въ этомъ, и въ томъ мирахъ.

Фигурность выраженія накладываетъ особенный „восточный“ колоритъ на „ксса“. Въ ней попадаются такія выраженія: „протянулъ руку милосердія“, „она камнемъ обиды хотя разбито зеркало его цѣломудрія“, „одѣлся въ халатъ лицемѣрія“и др. Слогъ, большей частью простой, народный; отдѣльная страничка прозы всегда поясняется поэтическими оборотами.

Въ „ксса“ также отражаются взгляды на честность вообще и нѣкоторую иронію на Коранъ—его толкуютъ такъ, какъ кому удобнѣе.

Въ „ксса“ „Дуздъ и Коза“ (судья и воръ) умный, богобоязливый судья, приводившій ученіемъ и знаніемъ Корана въ изумленіе весь огромный Багдадъ, былъ посрамленъ воромъ, который поймалъ судью ночью, когда тотъ отправился въ садъ, чтобы совершить намазъ (молитву). Воръ текстами изъ Корана и др. божественныхъ книгъ указалъ судьѣ справедливость его дѣятельности, которая состояла въ ограбленіи у судьи всѣхъ одеждъ, денегъ и верхового осла. Всетаки, воръ, несмотря на свой умъ, хитрость и знаніе Корана, былъ посрамленъ женщиной, потому, что не зналъ слѣдующія слова: „Діаволъ хитро соблазняетъ людей, на въ ловкости по сравненію съ женщиной, онъ ничто иное, какъ подмастерье“.

Вотъ въ краткихъ чертахъ переводная и подражательная ей литература сартовъ.

Характеръ ея есть выразитель характера всего востока и служитъ достояніемъ не только персовъ, но и вообще восточныхъ народовъ.

Вотъ почему этотъ родъ литературы, имѣя одно происхожденіе съ востока. такъ привился между сартами и пользуется большимъ распространеніемъ между ними.

Къ введенію въ Туркестанскомъ краѣ мѣстнаго земскаго самоуправленія.

При утвержденіи смѣтъ земскихъ повинностей въ трехъ коренныхъ областяхъ Туркестанскаго края и Степныхъ областей на 1908 и 1909 года, Государственной Думой была принята слѣдующая формула перехода къ очереднымъ дѣламъ: «Признавая существующій порядокъ веденія земскаго хозяйства въ областяхъ Туркестанскаго и Степного генералъ-губернаторствъ совершенно неудовлетворительнымъ съ точки зрѣнія обезпеченія мѣстныхъ нуждъ и находя

чемъ и послѣднимъ въ исламѣ живется не хуже, чѣмъ гдѣ либо.

Можно поставить относительно ислама два вопроса: 1) внесъ-ли что новаго исламъ въ сокровищницу человѣческой мысли, чувствъ, религіозныхъ интуицій? На это нужно отвѣтить: нѣтъ, не внесъ ничего цѣннаго. 2) Способна-ли эта религія къ дальнѣйшему развитію и распространенію? Исторія отвѣчаетъ намъ, что способна не менѣе всякой другой религіи. Она можетъ ассимилировать все цѣнное, что есть въ другихъ религіяхъ, и въ этомъ вѣрный залогъ ея развитія и прогресса.

«М.». С. Поварнинъ.

— —

Зрѣлый вопросъ русско-туземныхъ школъ.

Статья Гр. Андреева.

Ревизія русск.-туземн. школъ и открытія новометодныхъ мектабовъ послужили поводомъ къ тому, что вопросъ о русско-туземн. школахъ, которымъ такъ мало интересовались прежде, сталъ часто затрагиваться въ мѣстныхъ органахъ печати.

Реформаторъ современнаго типа русско-туземныхъ школъ, С. М. Граменицкій, въ статьѣ своей: „Краткая историческая записка объ устройствѣ инородческаго образованія въ Турк станѣ“, а впослѣдствіи въ отдѣльной брошюрѣ, далъ полное изложеніе историческаго развитія русско-туземныхъ школъ до настоящаго времени со всѣми происходившими въ нихъ измѣненіями и улучшеніями, а о мусульманскихъ мектабахъ стараго типа и вновь открываемыхъ новометодныхъ, выразился принципомъ полнаго невмѣшательства, которое неуклонно велось инспекціей до сихъ поръ. Этимъ послѣднимъ заключеніемъ С. М. Граменицкій поставилъ вѣскую фактическую оппозицію противоположн. взглядамъ бывшаго инспектора Уфимской губерніи г. Горячкина, ревизовавшаго наши русско-туземныя и мусульманскія школы, и собравшаго богатый матеріалъ о вредныхъ тенденціяхъ послѣднихъ, которыя и желаетъ подчинить вѣдѣнію особаго инспектора. Свой интересный матеріалъ г. Горячкинъ будетъ печатать въ январѣ на страницахъ „Туркестанскаго Курьера“.

Кромѣ того, г. Зуевъ въ „особенностяхъ русско-туземныхъ школъ“ привелъ отличія русскихъ школъ отъ туземныхъ. Говоря, вообще, о русско-туземныхъ школахъ, г. Зуевъ не упоминаетъ о провинціальныхъ и русско-киргизскихъ школахъ съ интернатами, характерныя отличія коихъ отъ школъ ст. Ташкента, наложили особенный колоритъ на системы преподаванія и воспитанія. Ошибочное же обобщеніе новаго метода всѣмъ мусульманскимъ классамъ тогда, какъ новый методъ введенъ только въ ташкентскихъ и лишь въ немногихъ руководствуются азбукой Саидъ-Расуля и христоматіей Калинина, а въ остальныхъ обученіе идетъ по старому — „книгамъ грамоты“ (саводъ китабъ), упущеніе свѣдѣній о вечернихъ курсахъ въ этихъ школахъ грамоты, полнѣйшее игнорированіе назрѣвшими нуждами школъ, — дастъ намъ право сказать, что г. Зуевъ имѣлъ въ своемъ очеркѣ только русско-туземныя школы ст. Ташкента, гдѣ въ одной изъ нихъ прослужилъ учителемъ 16 мѣся-

цевъ. Въ такомъ блѣдномъ поверхностномъ изложеніи статьи г. Зуева строго судить нельзя, такъ какъ онъ мало прослужилъ учителемъ и притомъ, въ одной школѣ и, вообще, плохо знакомъ съ мусульманствомъ и нуждами русско-туземныхъ школъ, тѣмъ болѣе, кажется, что г. Зуевъ настоящей статьей лишь хотѣлъ познакомить читателей, совершенно неосвѣдомленныхъ съ „особенностями“ русско - туземныхъ школъ ст. Ташкента.

Недочеты нашихъ туземныхъ школъ и ихъ назрѣвшія нужды, широкое распространеніе старо- и новометодныхъ мектабовъ, ихъ вліяніе на киргизъ и „осартиванье“ послѣднихъ, серьезная необходимость скорѣе придти на помощь образованію темной массы киргизъ, побудила меня сказать нѣсколько словъ.

Въ настоящей статьѣ я буду руководствоваться не только личными убѣжденіями, какъ русско-туземнаго учителя, прослужившаго 4 года въ нѣсколькихъ школахъ ст. Ташкента и провинціальныхъ, кромѣ того, прошедшаго мектабъ стараго типа и нѣкоторое время учившагося въ мадресѣ, но и мнѣніями близкихъ родственниковъ, считавшихъ свою учительскую дѣятельность десятками лѣтъ, товарищей, въ тѣсномъ знакомствѣ съ которыми, въ перепискѣ и помощи мнѣ матеріальными данными, я могъ составить безпристрастный взглядъ на русско-туземную школу.

Отношеніе сартовъ къ русско-туземной школѣ можно видѣть только изъ внутренняго ихъ склада жизни.

Будучи народомъ, тѣсно замуравленымъ въ рамки религіи, выражавшейся иногда въ остромъ нетерпимомъ фанатизмѣ къ русскимъ, сарты, несмотря на то, что давно убѣдились въ непосягательствѣ русской школы, открываемой для нихъ правительствомъ, но ихъ внутреннія убѣжденія, съ неохотой отдаютъ въ нее своихъ дѣтей. И если бы не крайняя необходимость знанія государственнаго русскаго языка въ общеніи съ русскими и въ главномъ занятіи сартовъ — торговли, они бы совсѣмъ постарались избѣгать ее. Какъ народъ чрезвычайно практичный, сарты, во всемъ послѣ религіи, поступаютъ согласно своимъ торговымъ идеаламъ, почему и видятъ въ русской школѣ учительницу лишь того, что имъ нужно въ торговыхъ дѣлахъ: писать телеграммы, адреса, счета, прошенія, знать хорошо устный и письменный счетъ, и разговорный языкъ. Научить этому несложному искусству своего с ы н а, сартъ рѣшится только тогда, когда убѣдится, что сынъ его совсѣмъ отбился отъ рукъ — плохо учится въ мектабѣ и не хорошо ведетъ себя дома, — вотъ тогда, сартъ отдастъ его въ русско-туземную школу. Избавившись, такимъ образомъ, отъ надоѣвшаго ему дѣтища, отецъ мало обращаетъ вниманія на его ученіе. Такое безразличное отношеніе родителей къ школѣ и самый контингентъ учащихся — неспособныхъ, малоразвитыхъ и, подчасъ, совершенно нравственно испорченныхъ, безусловно не можетъ не отразиться на ходъ занятій въ школѣ. Дѣти, видя безразличіе своихъ родителей, массами пропускаютъ уроки и буквально ничего не дѣлаютъ дома. Проучивъ

такъ годъ или два, отецъ ученика, какъ только представится ему удобный случай пристроить мальчика или посадить въ лавку, беретъ его изъ школы. При тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя возможны въ теченіе двухъ лѣтъ при двухчасовомъ занятіи съ русскимъ учителемъ, причемъ часъ тратится на письменныя работы, часъ на устныя упражненія въ русскомъ языкѣ и счетѣ, при каникулахъ, православныхъ и мусульманскихъ праздникахъ, массовыхъ пропускахъ занятій, — ученикъ еле-еле бредетъ по пройденнымъ урокамъ и научается лишь немногимъ русскимъ словамъ. Все это безслѣдно исчезаетъ потомъ въ жизни, если мальчикъ не будетъ имѣть частаго общенія съ русскими.

Можно только поражаться, при осмотрѣ класснаго журнала школы, видя, какъ много перебываетъ въ году учащихся въ первомъ отдѣленіи, а къ концу учебнаго курса составъ учащихся мѣняется нѣсколько разъ. Часто случается, что учитель, замѣтя способнаго мальчика, обращаетъ на него особенное вниманіе и какъ только при стараніи учителя, онъ начнетъ оказывать хорошіе успѣхи, является отецъ его и изъ-пустой причины беретъ сына изъ школы. Чуть ли не со слезами отдаетъ учитель такого ученика, который, опять возвращаясь въ родную среду, позабудетъ то, что далъ ему учитель съ большимъ трудомъ. Конечно, такой напрасный, безцѣльный трудъ не можетъ не подѣйствовать на продуктивную работоспособность учителя, тѣмъ болѣе, что такихъ фактовъ въ году насчитывается не одинъ.

Кончившіе курсъ русско-туземныхъ училищъ, въ среднемъ которыхъ на школу стар. Ташкента падаетъ 4—6 учениковъ въ годъ, немного научаются счету, письму и разговору. Также при необщеніи съ русскими и отсутствіи практики въ разговорномъ языкѣ, у такого юноши, подъ конецъ, остаются жалкіе обрывки знанія русскаго языка. Лишь за весьма рѣдкими исключеніями, получившіе свидѣтельство объ окончаніи русско-туземной школы, попавъ въ среду русскихъ при помощи практики въ разговорѣ, поступаютъ въ переводчики, приказчики или утилизируютъ знанія русскаго языка въ торговыхъ операціяхъ съ русскими.

Основанное въ 1905 г., въ помощь русско-туземнымъ школамъ, ташкентское 2-хъ классное русско-туземное училище съ шестилѣтнимъ курсомъ при порядочной постановкѣ дѣла, сейчасъ переполнено въ младшихъ классахъ, но въ старшихъ ощущается большой недостатокъ учащихся. Выпускаютъ не болѣе 6—7 учениковъ. Нѣкоторые изъ окончившихъ поступаютъ въ городскія училища, но вслѣдствіе формы одежды, а также руководствуясь, главнымъ образомъ, торговыми дѣлами, при удобномъ случаѣ выбываютъ изъ училища не доходя до старшихъ классовъ.

Въ провинціяхъ, гдѣ школы значительно слабѣе, такъ какъ удалены отъ центра, вслѣдствіе невѣжества жителей кишлаковъ, а также не четырехлѣтняго курса, какъ въ школахъ Ташкента, а трехлѣтняго, выпусковъ иногда не бываетъ по

цѣлымъ годомъ и не болѣе 1 — 2 учениковъ. Знаній, конечно, выносятъ и того меньше. Во многихъ кишлакахъ, гдѣ населеніе всегда болѣе фанатичнѣе и нетерпимѣе къ русскимъ, мектабы создаютъ большую конкурренцію русско-туземнымъ школамъ. Это можно видѣть изъ исторіи меркенской русско-туземной школы.

Въ Меркѣ, гдѣ мектабовъ до 8 и въ нихъ, среднимъ числомъ, учится до 400 дѣтей, издавна существуетъ русско-туземная школа, насчитывающая до 20 учащихся, треть которыхъ составляли близко живущіе къ кишлаку киргизы. Игнорированіе населеніемъ русской школы, вывело изъ терпѣнія много лѣтъ служившаго здѣсь учителя, и онъ перевелся въ другую школу. На его мѣсто попалъ молодой, энергичный учитель, близко знакомый съ мусульманствомъ, который не только ревностно относился къ нуждамъ школы, но даже самъ всегда просилъ сартовъ отдавать своихъ дѣтей учиться, приглашалъ родителей ихъ присутствовать на занятіяхъ, старался показать имъ всю пользу русскаго обученія, и, при неаккуратномъ посѣщеніи учениками школу, самъ рано утромъ собиралъ ихъ. Результаты школы за годъ, сами сарты не могли не оцѣнить. Но это не прибавило учениковъ русскому учителю. На другой годъ, когда прибылъ въ Меркѣ одинъ ученый кашгарскій сартъ, открывшій здѣсь мектабъ и убѣдившій родителей, учившихъ своихъ дѣтей въ русско-туземной школѣ, отдать ихъ ему, а не „кафиру“, въ школѣ остались только ученики-киргизы. По поводу этого прискорбнаго факта послѣдовало объясненіе учителя съ населеніемъ, которому онъ заявилъ, что цѣнитъ только пользу школы и, если, почему-либо онъ не нравится населенію и тѣмъ служитъ препятствіемъ къ убыли учащихся, то, не желая этимъ нанести ущербъ школѣ, онъ лучше уйдетъ изъ нея. На это населеніе кишлака уклончиво высказалось, что учителемъ они довольны, но хорошо было бы если бы онъ меньше обращалъ вниманія на свою школу... Учитель не довольствовался этимъ. Нѣсколько разъ говорилъ онъ съ кашгарскимъ муллой, стараясь обоюднымъ соглашеніемъ покончить это дѣло, но когда убѣдился, что переговоры эти не приведутъ ни къ чему, то долженъ былъ обратиться къ помощи администраціи, такъ какъ у его конкурента не только не было свидѣтельства на открытіе мектаба, но и вида на жительство. Населеніе приняло сторону мусульманина, и между нимъ и учителемъ произошли настолько крупныя недоразумѣнія, что дѣло дошло до суда...

Учитель перевелся. Вмѣсто него назначенъ молодой учитель, довольствующійся тѣми учениками, которые привелъ съ собой, новоизбранный его предшественникомъ, туземный учитель, содержащій мектабъ въ количествѣ 20 дѣтей. Но стоило только туземному „домуллѣ“, чѣмъ-то недовольчому, самовольно уйти изъ школы, какъ и всѣ его ученики потянулись за нимъ и школа осталась безъ одного ученика. Лишь при урегулированіи матеріальныхъ нуждъ „домуллы“ съ трудомъ вернули его въ школу вмѣстѣ съ учениками.

А вотъ, что сказалъ въ бесѣдѣ

съ покойнымъ Н. А. Воскресенскимъ одинъ русско - туземный учитель, много лѣтъ прослужившій въ кишлакѣ; „дѣтей за годъ перебываетъ въ первомъ отдѣленіи до 30, а кончаютъ курсъ въ нѣсколько лѣтъ 2—3 человѣка. Вслѣдствіе пропуска уроковъ, ничего недѣланія дома, а въ школѣ дѣленія курса на двое, мальчикъ слишкомъ мало чему научается и его счастье, если онъ будетъ жить между русскими, иначе все пріобрѣтенное скоро позабудется“. И съ грустью добавилъ въ концѣ „если бы не мое личное убѣжденіе, что въ громадномъ кишлакѣ гдѣ нѣтъ никого изъ русскихъ необходимъ намъ представитель а моя небольшая услуга учительствомъ, надѣюсь, послужитъ, впослѣдствіи, нѣкоторымъ основаніемъ для будущаго,—я бросилъ бы учительство“.

Ревизовавшій русско - туземныя школы, г. Горячкинъ, въ бесѣдѣ со мной, высказалъ, что ученики слишкомъ мало развиты.

На ряду съ русско-туземными школами возникаетъ сейчасъ новометодный мектабъ съ обученіемъ грамотѣ, элементарному курсу наукъ и гражданственности на сартовскомъ языкѣ. Особенно обращено вниманіе на развитіе національнаго чувства. Такая школа, иниціаторами которой были татары, въ короткое время сыскала себѣ симпатіи населенія, и въ одномъ Кокандѣ сейчасъ такихъ школъ открылось до 20 съ платою отъ 1 до 5 руб. Учащихся въ каждой школѣ не менѣе 100 человѣкъ; между тѣмъ, какъ циркулирующая здѣсь русско - туземная школа насчитываетъ у себя, въ среднемъ, до 30 дѣтей. Если же учителя новометодныхъ школъ введутъ въ курсъ обученія русскій языкъ, что, навѣрное, скоро и послѣдуетъ, то, можно сказать, что судьба нашихъ школъ будетъ очень печальна, особенно въ Ферганской и Самаркандской областяхъ, гдѣ школы поставлены очень плохо — сплошь и рядомъ назначаютъ русско - туземными учителями окончившихъ городскія училища, антисульманское образованіе, наоборотъ, очень хорошо. Это обстоятельство особенное вниманіе г. Горячкина.

Будучи вполнѣ солидарны съ принципомъ С. М. Граменицкаго—полнаго невмѣшательства въ дѣла мусульманскихъ школъ *), такъ какъ тѣмъ самимъ инспекція подорвала бы престижъ русско-туземной школы и лишь оттолкнула бы населеніе отъ нихъ; необходимо настоящую русско-туземную школу поставить настолько хорошо, чтобы она своей раціональной постановкой дѣла и пользой, приносимой населенію, не только снискала бы любовь и довѣріе, а стала бы твердымъ оплотомъ государственности и гражданственности, и чтобы, въ концѣ концовъ, новометодные мактабы сами обратились бы къ ея помощи.

А для этого, необходимо обратить особенное вниманіе на внутреннюю организацію русско-туземныхъ школъ. Вѣдь если отнять изъ общаго числа учебныхъ

---

*) Административный надзоръ за новометодными мактабами, какъ и пишетъ С. М. Граменицкій, конечно, необходимъ. Въ рѣдкихъ мектабахъ стараго и новаго типа учителя знаютъ, как - зовутъ Государя Императора, въ какомъ отечествѣ онъ живутъ и проч.

дней 4-лѣтняго курса ежедневныя двухчасовыя занятія съ туземнымъ учителемъ, то получится не 4, а 2 года русскихъ; вычтя изъ нихъ каникулы, православные и мусульманскіе праздники съ многочисленными пропусками уроковъ, едва ли останется годъ для обученія рускому языку, письму и счету при сферѣ, въ которой живетъ ученикъ-сартъ. И если русскіе учителя жалуются на 3-лѣтній курсъ, послѣ котораго ученикъ скоро забываетъ пріобрѣтенныя знанія и даже разучивается читать, то что можетъ сказать русско-туземный учитель при годовой системѣ обученія. При такомъ положеніи дѣла и результаты русско-туземныхъ школъ не такъ малы, особенно въ Сыръ-Дарьинской области, гдѣ, благодаря только заботамъ С. М. Граменицкаго, дѣло поставлено лучше, чѣмъ въ другихъ областяхъ Туркестана.

По словамъ г. Горячкина, въ Россіи, въ русско-туземныхъ школахъ, на мусульманскіе уроки полагается только одинъ часъ въ день. У насъ, въ Туркестанѣ, гдѣ ученикъ почти всегда поступаетъ со знаніями туземной грамоты, ему, все-таки, удѣляется ежедневно половина времени на мусульманскіе уроки. Если въ младшихъ отдѣленіяхъ отдавать мусульманству 1 или $1^1/_2$ часа (что будетъ вполнѣ достаточно), а въ старшемъ (четвертомъ) совсѣмъ прекратить отсылать учениковъ въ мусульманскій классъ, учитель, тѣмъ самымъ, почти вдвойнѣ удлинитъ курсъ русскаго языка. Прибавивъ еще одинъ годъ обученія, замѣнивъ въ городахъ 4-лѣтній — 5-лѣтнимъ и трехлѣтній — 4-лѣтнимъ въ кишлакахъ, при непосѣщеніи учениками старшихъ отдѣленій туземнаго класса, тѣмъ болѣе, что этимъ не нанесется никакого ущерба мусульманскому обученію (читать и писать по-сартовски ученикъ всегда можетъ научиться въ теченіе 2—3 лѣтъ), получится довольно времени для пріобрѣтенія знаній русск. языка. Также необходимо родителямъ поступающихъ дѣтей поставить какой-нибудь ультиматумъ: посылать своихъ дѣтей аккуратно въ школу и не брать ихъ до окончанія полнаго курса. Только крайняя нужда могла бы побудить родителей взять ученика изъ школы, предварительно объяснившись съ учителемъ. Разъ сарты нуждаются въ услугахъ русской школы, то они и согласятся на это, тѣмъ болѣе, что все это дѣлается лишь для ихъ пользы. Этимъ бы не только урегулировались занятія въ школѣ, но и основалась бы первая ступень къ обязательному обученію сартовъ.

Проектированныя городскія училища для сартовъ, въ младшихъ отдѣленіяхъ которыхъ, на ряду съ русскимъ, будетъ мусульманское обученіе, а въ старшихъ лишь русское, — значительно улучшитъ образованіе сартовъ.

При обращеніи большого вниманія на мусульманскій курсъ по новому методу, потребуется составленіе элементарныхъ учебниковъ на сартовскомъ языкѣ по ариѳметикѣ, географіи, краткой русской и сартовской исторіи и друг. наукамъ. Систематическое прохожденіе такого курса на сартовскомъ языкѣ при посредствѣ составленныхъ учебниковъ, настолько подвинетъ развитіе дѣтей, что много облегчитъ дальнѣйшее ученіе ихъ въ русскомъ

классѣ. При такой постановкѣ мусульманскаго класса, впослѣдствіи само собой произойдетъ совершенное отпаденіе его отъ русскаго въ отдѣльную новометодную мусульманскую школу при русскомъ училищѣ. Здѣсь могли бы учиться дѣти туземцевъ отъ восьмилѣтняго возраста и проходить программу обученія на своемъ родномъ языкѣ, и съ окончаніемъ поступать въ находящееся при ней русское училище. Такимъ образомъ, русское училище освободится отъ лишняго балласта—мусульманскаго класса, отнимающаго у него время, и пріобрѣтетъ въ кончающихъ новометодную школу хорошо развитыхъ учениковъ, что и значительно облегчитъ дальнѣйшее ихъ образованіе. Въ такіе новометодные мактабы можно назначать сартовъ, окончившихъ курсъ въ открытыхъ для нихъ городскихъ училищахъ и пробывшихъ продолжительное время практикантами при новометодной школѣ. Сами же новометодныя школы при русскихъ училищахъ послужатъ прототипомъ для будущихъ реформъ мактабовъ стараго образца.

Кончившіе курсъ такихъ школъ не могутъ сразу быть переводчиками при канцеляріяхъ приставовъ и др. низшихъ учрежденіяхъ, такъ какъ плохо говорятъ по русски, и родители ихъ, прекрасно понимая нужды своихъ дѣтей, оставляютъ ихъ еще учиться на годъ. Черезъ годъ вполнѣ годные въ переводчики и др. должности, киргизскіе юноши, вслѣдствіе малаго количества свободныхъ и еще меньшаго числа незанятыхъ вакансій при городскихъ училищахъ, не имѣя возможности примѣнять свои знанія на практикѣ, забываютъ то, что съ трудомъ получили въ школѣ. Прекрасно сознавая это, администрація доставила возможность имъ поступать въ писаря къ аульнымъ старшинамъ. Но, такъ какъ писарямъ при аульныхъ старшинахъ почти всегда приходится употреблять лишь киргизскій языкъ, то знаніе русскаго языка, безъ упражненія въ немъ, опять-таки скоро испаряется. Вообще же администрація—приставa вполнѣ освѣдомлены въ затрудненіяхъ примѣнить въ жизни знанія учениковъ русско-киргизскихъ школъ. Нерѣдко при канцеляріяхъ приставовъ занимаются нѣсколько такихъ юношей, съ нетерпѣніемъ ожидающихъ какого-нибудь вакантнаго мѣста.

При такомъ положеніи дѣла учителя русско-киргизск. школъ давно поднимали вопросъ объ основаніи городскихъ училищъ съ интернатами для киргизъ, а на первое время — хотя расширить настоящіе интернаты при городскихъ училищахъ. Съ открытіемъ городскихъ училищъ съ интернатами для киргизъ, настанетъ новая эра инородческаго образованія. Это настолько будетъ крупный шагъ въ прогрессѣ образованія киргизъ, что лишь будущее въ состояніи будетъ оцѣнить всѣ заслуги этого великаго дѣла.

Если въ каждомъ уѣздномъ городѣ открыть городское училище съ интернатомъ для киргизскихъ мальчиковъ на 50 человѣкъ (впослѣдствіи интернатъ можно расширить) и принимать въ него кончившихъ курсъ русско-киргизскихъ школъ, то представится возможность имъ продолжать учить-

ся дальше и не искать какихъ-нибудь мѣсть писаря. Въ такомъ училищѣ безусловно не должно имѣть мѣста мусульманское обученіе, какъ и въ существующихъ издавна интернатахъ при городскихъ училищахъ. Для практики въ русскомъ языкѣ необходимо принимать русскихъ мальчиковъ.

Главнымъ же образомъ, должно быть обращено вниманіе на воспитаніе учениковъ. Замѣчается, что пріобрѣтенныя киргизами знанія русскаго языка и письменности служатъ только средствомъ для эксплоатаціи своихъ же собратьевъ подъ видомъ „закунчи“ (законовѣда), „арзачи“ (писателя прошеній), „тильмача“ (переводчика) и друг. Далѣе они научаются всѣмъ русскимъ порокамъ. Это не только стало фактомъ для населенія, заставляющимъ его коситься на это, но и для администраціи, почти не принимающей туземцевъ на отвѣтственныя мѣста переводчиковъи др. Вотъ почему здѣсь, при образованіи киргизъ, необходимо и воспитаніе его, иначе только получится безнравственный паразитъ и эксплоататоръ своего же народа.

Кромѣ городскихъ училищъ, нужныхъ для киргизъ, сами русско-туземныя школы требуютъ нѣкоторыхъ улучшеній.

Въ русскихъ селеніяхъ, гдѣ обыкновенно находятся русско-киргизскія школы, давно проектируется учителями пріемъ, поощряемый даже инспекціей: принимать русскихъ мальчиковъ въ свою школу для совмѣстнаго обученія съ киргизскими учениками. При этомъ практичномъ способѣ замѣчается быстрое усвоеніе киргизами русскаго языка. Но лучше было бы, если въ каждую русско-киргизскую школу принимать 2—3 русскихъ мальчика (въ селѣ всегда найдутся нѣсколько такихъ, съ охотою согласившихся учиться въ интернатѣ), которые много помогутъ въ дѣлѣ усвоенія русскаго языка. И если интернаты лишатся 2—3 свободныхъ мѣстъ, за то пріобрѣтутъ значительныя улучшенія въ языкѣ.

Недостаточенъ также 3—4-лѣтній курсъ обученія, тѣмъ болѣе, что ученики сами это сознаютъ и остаются еще на одинъ или два года. Мусульманская грамота вполнѣ успѣшно можетъ проходиться вечеромъ, подъ руководствомъ своего вѣроучителя. Этимъ учитель выиграетъ время вдвойнѣ и результаты будутъ вполнѣ хороши.

Крупная ошибка русско-киргизскихъ школъ состоитъ еще въ томъ, что киргизскіе мальчики учатся мусульманской грамотѣ по сартовскимъ книгамъ — азбукѣ Сеидъ Расуля и христоматіи Калинина. Такимъ образомъ, мы сами идемъ на встрѣчу сартамъ и играемъ имъ въ руку по ассимилированію киргизъ. Между тѣмъ киргизскій и сартовскій языки принадлежа, вообще, къ разряду тюркскихъ, настолько различны, какъ одного славянскаго корня—русскій и болгарскій.

Вотъ почему, крайне необходимо перевести учебники—азбуку и христоматію на киргизскій языкъ, чтобы въ русско-киргизской школѣ духу не было сартовскаго. При переводѣ учебниковъ, конечно, не примѣнима русская транскрипція—пойдетъ арабскій алфавитъ.

Въ настоящее время наблюдается особенное массовое „осар-

тиванье" киргизъ, близко живущихъ къ кишлакамъ. Получается особый типъ „чалаказакъ" (смѣсь сарта съ киргизомъ). Такой типъ уже съ фанатизмомъ сарта и въ большинствѣ случаевъ, съ большимъ, является, зачастую, кулакомъ населенія и ревностнымъ ненавистникомъ русско-туземной школы.

„Чалаказакъ" по большей части пользуется нелюбовью самихъ киргизъ, какъ отступникъ отъ киргизской старины, а за свою безсовѣстную пронырливость и кулачество ненавистенъ населенію.

Въ ассимилированіи киргизъ сильно вліяютъ сартовскія книги и школы, поучившись въ которыхъ киргизъ выходитъ съ запасомъ сартовской закваски.

Вотъ почему, пока еще сарты мало забрали духовно несчастныхъ киргизъ, намъ необходимо обратить особенное вниманіе на ихъ образованіе и открывать для нихъ не только русско-туземныя школы, но и городскія училища Этимъ мы добьемся, что киргизы, какъ свое, такъ и русское образованіе будутъ получать, исключительно, лишь у насъ. Дѣло это облегчается еще тѣмъ, что сами киргизы изутъ навстрѣчу своимъ нуждамъ, неся трудовыя копейки на открытія школъ для своихъ дѣтей. Но здѣсь замѣчается крайне безпечное отношеніе къ этому И вотъ уже сколько лѣтъ, какъ „гуляютъ чимкентскія денежки", собранныя киргизами на школы. На нихъ давно можно было бы открыть городское училище, и хорошіе результаты такой школы, разохотило бы населеніе для созданія ему подобныхъ. Теперь же, наоборотъ, слышно, что населеніе поговариваетъ о возвращеніи денегъ, собранныхъ ими на проектированныя чимкентскія школы... Нельзя не удивляться несчастной канцелярской волокитѣ въ дѣлѣ образованія киргизъ! А сарты все продолжаютъ работать на счетъ ассимилированія...

Нѣтъ, какъ можно болѣе школъ, городскихъ школъ нужно способнымъ киргизамъ—единственному аборигену Туркестана, сочувственно относящемуся къ попеченіямъ правительства о его умственныхъ нуждахъ!

Говоря вообще о русско-туземныхъ школахъ, нельзя не упомянуть и объ ихъ учителяхъ.

Учителя русско-туземн. школъ получаютъ образованіе въ туркестанской учительской семинаріи, гдѣ настолько порядочно проходятъ программу курса, что дальнѣйшая ихъ учительская дѣятельность почти не прибавляетъ имъ теоритическихъ знаній по школѣ. Лишь практика обученія и самая жизнь дополняютъ ихъ спеціальность. Вліяніе руководящаго начала инспектора, особ я литература для русско-туземн. школъ и съѣзды не играютъ никакой роли въ жизни учителя, такъ какъ ихъ нѣтъ... Вотъ почему, учитель всегда глубоко цѣнитъ и помнитъ семинарію.

Съ назрѣвшими нуждами школъ необходимы, конечно, и вполнѣ освѣдомленные учителя не только въ знаніи сартовскаго языка, но и, вообще, въ мусульмановѣдѣніи, а въ частности — въ знакомствѣ съ умственными нуждами и задачами сартовъ и киргизъ, также съ ихъ бытомъ, нравами и обычаями.

Конечно, недавнее расширеніе семинарской программы, введеніе гигіены въ курсъ обученія хотя и похвальны, но изученіе мусульма-

новѣдѣнія и сартовской, и киргизской жизни, безъ предвзятыхъ цѣлей (какъ необходимое пособіе въ жизни русско-туземныхъ учителей), также необходимо, тѣмъ болѣе, что это легко выполнимо такъ какъ во главѣ семинаріи стоитъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ Туркестана. А изъ отдѣльныхъ кусочковъ востоковѣдѣнія, которые даютъ воспитанникамъ семинаріи преподаватели сартовскаго и персидскаго языковъ, лишь можно вынести совершенно превратныя познанія о бытѣ инородцевъ.

Нельзя также не обратить вниманія на практическіе уроки сартовскаго языка, даваемые сартомъ-практикантомъ. Мало, вѣдь, быть сартомъ, чтобы учить по-сартовски—нужно знать и методику преподаванія, и, къ сожалѣнію, изъ столь важнаго предмета получается мало толка: практикантъ не зная ни слова по-русски, сейчасъ прекрасно говоритъ на этомъ языкѣ, а семинаристы еле-еле лепечутъ по-сартовски.

Въ четвертомъ классѣ, когда способности и наклонности воспитанниковъ вполнѣ опредѣлятся, можно впередъ предназначать однихъ въ русскія, другихъ въ русско-туземныя школы, обративъ на послѣднихъ особенное вниманіе, чтобы въ русско-туземныя школы они входили во всеоружіи нужныхъ здѣсь свѣдѣній.

Вообще же нельзя не пожелать воспитанникамъ семинаріи побольше реальности и энергіи, а не идеальности, съ которой, на первыхъ шагахъ самостоятельной жизни, они получаютъ чувствительные удары самолюбію во времена назначеній...

Итакъ, съ знаніями, которыя получаетъ воспитанникъ семинаріи, онъ вступаетъ въ жизнь—школу. Одни изъ учителей увеличиваютъ полученныя свѣдѣнія, въ тѣсномъ общеніи съ населеніемъ и нуждами школы; другіе, совершенно изолируя себя отъ народа-довольствуются тѣмъ, что дала имъ семинарія и опытъ жизни, третьи, не интересуясь, вообще, школьнымъ дѣломъ и позабывъ; что ими пріобрѣтено въ семинаріи, исполняютъ свои обязанности русско-туземнаго учителя такъ, какъ Богъ на душу положитъ...

Въ каждомъ русско-туземномъ училищѣ, кромѣ русскаго учителя, обучающаго дѣтей только русскому языку, грамотѣ и счету, есть еще туземный учитель-мусульманинъ, обязанности котораго заключаются не только въ томъ, чтобы научить дѣтей своихъ собратьевъ мусульманской грамотѣ, но и главное — руководить нравственнымъ воспитаніемъ учащихся и, по мѣрѣ возможности, сближать дѣтей съ русскими и внушать имъ, что русскіе кромѣ добра имъ ничего не желаютъ, и что знаніе, получаемое ими въ русско-туземной школѣ, не только полезно для нихъ, но и въ немъ нѣтъ ничего предразсудительнаго для мусульманъ. Такимъ образомъ, туземный учитель является главнымъ посредникомъ сближенія между русскимъ учителемъ и туземцами-учениками. И горе, когда самъ туземный учитель зараженъ ярымъ фанатизмомъ...

Современные туземные учителя-киргизы не соотвѣтствуютъ цѣлямъ русско-киргизскихъ школъ, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ получили свое образованіе у сартовъ. Съ открытіемъ город-

ских училищъ для сартовъ и киргизъ, само собой устранится надобность брать туземныхъ учителей со стороны. Въ кончающихъ такія школы, мы получимъ нужныхъ намъ туземныхъ учителей, соотвѣтствующихъ задачамъ нашихъ школъ.

Не мѣшаетъ также обратить вниманіе на матеріальное обезпеченіе туземнаго учителя. Работая наравнѣ съ русскимъ учителемъ, а подчасъ и больше, онъ получаетъ, въ среднемъ, 15 рублей въ мѣсяцъ. При такомъ положеніи дѣла даже сторожъ при школѣ является лучше обезпеченнымъ, чѣмъ „домулла“, получая, на всемъ готовомъ, 12 руб. въ мѣс...

Говоря вообще о русско-туземныхъ учителяхъ, самъ собой является вопросъ: пользуются ли учителя симпатіями и престижемъ туземнаго населенія? На это опять-таки можно отвѣтить лишь обратившись къ внутреннимъ убѣжденіямъ сартовскаго народа. Считая русскаго ниже себя, сартъ уважаетъ (боится) только того изъ русскихъ, кто имѣетъ какую-нибудь власть. Предъ властью сартъ и лебезитъ, и льститъ, и на все соглазенъ, хотя въ душѣ и проклинаетъ ее. Такъ какъ учитель не имѣетъ никакой власти, то сарты относятся къ нему съ полнѣйшимъ индифферентизмомъ. Часто случается, что учитель, имѣя нѣсколько лѣтъ близкихъ сосѣдей, сартовъ, не говоритъ съ ними ни слова. Правда, нѣкоторые учителя, знающіе хорошо мусульманство, вызываютъ со стороны населенія удивленіе, но оно сводится не къ уваженію учителя, а къ порицанію: „знаетъ хорошо мусульманство, а до сихъ поръ русскій“...

При такомъ положеніи дѣла учителя сами должны придти себѣ на помощь посредствомъ съѣздовъ. Они необходимы имъ такъ, какъ нужны русско-туземныя школы инородцамъ Туркестана. На съѣздахъ, собравшись со всѣхъ концовъ Туркестана, русско-туземные учителя обсудятъ назрѣвшія нужды школы и выяснятъ дальнѣйшія задачи ея, пересмотрятъ руководство и, вообще, рѣшатъ все, въ чемъ они затрудняются, въ чемъ задумываются. Лишь съѣзды учителей, знающихъ и понимающихъ свое дѣло, могутъ правильно урегулировать внутреннюю организацію школы.

Вотъ почему, въ настоящей статьѣ я не сказалъ о матеріальномъ обезпеченіи русскаго учителя и, только слегка, коснулся преобразованій школы, метода преподаванія и руководства—это дѣло съѣздовъ. При правильной организаціи съѣздовъ, это само собой выяснится.

Сейчасъ, по всей Россіи устраиваются съѣзды: генералъ-губернаторовъ, городскихъ головъ, воспитателей кадетскихъ корпусовъ и др., а у насъ—приставовъ, арык-аксакаловъ и проч., но и нужны съѣзды русско-туземныхъ учителей, назрѣвшія нужды школъ, которыя требуютъ скорѣйшаго урегулированія ихъ, сообща, всѣми.

Будучи же въ нѣкоторомъ родѣ представителемъ русской власти и носителемъ не только культуры, но и государственнаго престижа, русско-туземные учителя давно имѣютъ право на съѣзды. Приставскіе же съѣзды, гдѣ они, иногда, обсуждаютъ, кромѣ своихъ дѣлъ и русско-туземныя, конечно, не могутъ намъ принести мног

пользы, такъ какъ мало знакомы съ нуждами школъ.

На съѣзды у учителей найдется много времени—каникулы, православныя и мусульманскіе праздники. Можно даже два раза въ году устраивать съѣзды: мѣстные и всетуркестанскіе. Съѣзды, при полномъ сборѣ русскихъ и туземныхъ учителей, настолько опредѣлять нужды и задачи нашихъ школъ, что потребуется особый инспекторъ русско-туземныхъ школъ, въ чемъ и наблюдается крайняя необходимость, такъ какъ особенности нужды и задачъ русско-туземныхъ школъ діаметрально противоположны русскимъ.

Полагаемъ, что вопросъ о съѣздахъ, каждый изъ русско-туземныхъ учителей давно сознавалъ цѣлесообразнымъ и крайне необходимымъ, и на наше заявленіе откликнутся со всѣхъ концовъ широкаго Туркестана.

Учительскіе съѣзды, своей продуктивной работой, навѣрное, вызовутъ и „съѣзды инспекторовъ, также крайне необходимыхъ.

Вотъ, тогда, при помощи съѣздовъ, ясно выработавшихъ дальнѣйшія задачи русско-туземныхъ школъ и необходимыхъ въ нихъ назрѣвшихъ реформъ, при неуклонномъ надзорѣ и руководствѣ вполнѣ освѣдомленныхъ, опытныхъ инспекторовъ и горячей, плодотворной работѣ учителей, возможно создать тотъ типъ школъ, о которыхъ писалъ первый устроитель Туркестана, геніальный Кауфманъ.

Саранчевые комитеты въ Ферганѣ.

Статья графа Головина.

Саранча въ Сыръ-Дарьинской и Семаркандской областяхъ какое то неминучее бѣдствіе не поддающееся никакимъ усиліямъ человѣка къ ея истребленію. Спеціалисты разныхъ вѣдомствъ спорятъ между собой о преимуществахъ тѣхъ или иныхъ мѣръ борьбы съ нею. Распорядительная власть передается отъ одного вѣдомства другому, въ надеждѣ на лучшій успѣхъ. а это маленькое насѣкомое, какъ будто, издѣвается надъ геніемъ человѣка и, погибая массой въ ежегодной войнѣ съ людьми, оставляетъ послѣ себя такое обширное потомство, которое требуетъ напряженія опять такого же, если еще не больше, силъ къ противодѣйствію ея хищническихъ инстинктовъ.

Большая полемика въ мѣстной печати возникла по этому вопросу между г. Женжуристомъ и г. Понятовскимъ: одинъ доказываетъ цѣлесообразность страхованія посѣвовъ отъ саранчи, и съ этимъ нельзя не согласиться. Другой настаиваетъ на необходимости усиленной борьбы по истребленію саранчи, и это также не подлежитъ отрицанію. Одно другому не мѣшаетъ, а, наоборотъ, помогаетъ т. к. сумма страховыхъ платежей освободила бы земскую кассу отъ необходимости ежегоднаго ассигнованія громадныхъ суммъ на эту борьбу и всѣ расходы покрывались бы изъ приходовъ той же саранчевой кассы. Но главный вопросъ заключается не въ томъ, на сумму какого кредита вести

не бу ут ь никогда искать другой службы, дорожа всегда своим положеніемъ. Здѣсь же не мог не добавить еще, что при мѣстных исключительных условіях жизни и быта туземцевъ, съ которыми при всемъ иногда желаніи не можетъ, однако, сродниться, человѣкъ русскій, болѣе или менѣе культурный, необходимо въ этихъ видахъ выработать что либо, чтобы обезпечить арыкъ аксакаламъ жилое помѣщеніе. Нѣтъ сомнѣнія, что для пользы того же дѣла, важно, чтобы арыкъ-аксакалы постоянное мѣстопребываніе свое имѣли бы въ центрѣ своей ирригаціонной системы, тогда какъ именно при этихъ условіяхъ, они лишены этой возможности, почему многіе, въ особенности семейные, вынуждены жить въ городахъ. На нашъ взглядъ этотъ вопросъ можетъ быть упрощенъ постройкою на общественный счетъ или изъ земскихъ суммъ русскихъ помѣщеній, въ особенности на крупныхъ системахъ.

К. В.

Общественная благотворительность у туземцевъ.

Статья Г. Андреева.

Общественная благотворительность между туземцами совершенно не развита. Пріюты для сиротъ, богадѣльни, безплатныя столовыя, библіотеки, читальни и др. благотворительные дома изстари не водились у нихъ. Между тѣмъ всѣ капитальныя медрасе, мактабы, мечети, кладбища, коры-ханы, (зданія, гдѣ помѣщаются духовныя лица—коры, которые прочитываютъ Коранъ наизусть) календаръ и дарвишъ-ханы, все это созидается и содержится на частныя пожертвованія богатыхъ сартовъ; содержаніе духовныхъ лицъ и учителей все лежитъ на обязанностяхъ народа. Вотъ и теперь въ Кукчинской части махалле „Чакичмонъ" строится богатымъ сартомъ Тохта Алимдусановымъ капитальная медрасе, при которой назначается и приличный вакуфъ.

Объясняется это тѣмъ, что сарты очень религіозны и ничего не жалѣютъ въ дѣлахъ религіи.

Благотворительности же сартъ отдастъ, согласно шаріату, 1/40 часть изъ всего благопріобрѣтеннаго имущества — „закатъ" въ пользу бѣдныхъ, вдовъ, сиротъ, которымъ и раздастъ деньгами или натурой—хлѣбомъ, мясомъ, чаемъ, сахаромъ, одеждой, лѣсомъ и др.

Устраиваются также часто „Худои"—общественные обѣды, на которые собирается самый бѣдный классъ населенія.

Къ чести сартовъ нужно сказать, что они не оставляютъ своихъ бѣдныхъ родственниковъ и всячески помогаютъ имъ; оставшихся же сиротъ принимаютъ къ себѣ на воспитаніе.

Честолюбіе въ дѣлахъ благотворительности также играетъ немаловажную роль: скупой на свои нужды и на помощь къ другимъ, сартъ часто жертвуетъ большія суммы денегъ въ пользу какого-нибудь благотворительнаго заведенія, лично ему несимпатичнаго, для того лишь, чтобы его имя помѣстили въ газетахъ въ спискѣ жертвователей или представили бы къ наградѣ.

Въ общемъ открытіе благотворительныхъ заведеній не въ обычаѣ у туземцевъ.

Первый шагъ къ общественной

благотворительности между туземцами сдѣлалъ покойный генералъ-губернаторъ Духовской, открывъ въ 1904 г. въ ст. городѣ на базарѣ „ходжи-маликъ“ богодѣльню для 15 сартовъ-стариковъ, проживающихъ раньше въ богадѣльнѣ Императора Александра III въ русскомъ городѣ. Открыто это богоугодное заведеніе было на арендныя деньги, получаемыя съ имущества сарта Агзамбаева, послѣ смерти котораго за отсутствіемъ наслѣдниковъ его имущество отошло въ казну.

На эти средства раньше существовала мадрасе „Шукурханъ“, а потомъ эти средства были изъяты для содержанія убѣжища для безпріютныхъ стариковъ-сартовъ.

Имущество умершаго Агзамбаева состоитъ изъ двухъ сараевъ съ лавками и отдавалось въ аренду раньше за 1500 руб., а въ нынѣшнемъ—за 1650 руб. въ годъ.

Такимъ образомъ, для нуждъ 15 стариковъ-нищихъ 1500 руб. на первое время было вполнѣ достаточно. Имъ дали по кошомкѣ, одѣялу и подушкѣ, одѣли ихъ въ національныя одежды, назначили каждому по одной „худжрѣ“ (комнаткѣ-кельѣ) здѣсь же въ отдаваемомъ въ аренду сараѣ, опредѣлили чайное и столовое довольствіе и приставили сторожа, который и готовилъ имъ неприхотливый обѣдъ.

Прошло 5 лѣтъ. Изъ 15 человѣкъ богадѣльцевъ 9 частію умерли, а частію ушли по своему желанію.

Недавно мнѣ пришлось посѣтить богадѣльню и имѣть съ живущими тамъ стариками бесѣду. Ихъ осталось только 6 человѣкъ, трое изъ которыхъ совершенно слѣпые. Боже! Что за грязь и мразь въ кельяхъ живущихъ. Какжется, каждому дается одна комната (много комнатъ пустыхъ) между тѣмъ грязь и вонь ужасная! Видъ живущихъ производитъ отталкивающее, гнетущее впечатлѣніе—оборванные до нельзя, грязные, худые, желтые съ испитыми лицами, съ открытыми на выкатѣ глазами, которыми они ничего не видятъ;—въ сравненіи съ ними простой сартовскій уличный нищій приличнѣе.

На полу въ кельяхъ грязныя лоскутья разложившейся кошмы. Одѣяла и подушки, выданныя 5 лѣтъ назадъ, превратились въ лохмотья, видъ которыхъ чистоплотный человѣкъ вынести не въ состояніи. Когда я осматривалъ ихъ, то въ нихъ что-то шевелилось живое...

Позвали слѣпого сѣдого старика. Я началъ его разспрашивать. „Тахсиръ!“ (господинъ) говорилъ онъ: вотъ уже пять лѣтъ, какъ „Духовска“ перевелъ насъ 15 человѣкъ сартовъ изъ русской богадѣльни „Миръ-Абода“ (Старо-Госпит. ул.) сюда. Тахсиръ! изъ насъ 9 человѣкъ частію умерли, а нѣкоторые ушли, недовольные такимъ житьемъ и если бы у меня были глаза, развѣ бы я оставался здѣсь. Вотъ уже два года, тахсиръ, какъ мы не получали обувь и верхнее платье, а съ годъ тому назадъ намъ дали по рубашкѣ, когда услышали, что пріѣдетъ сюда губернаторъ. Каждый день даютъ намъ по двѣ лепешки, два чайника чаю и по одному фунту въ мѣсяцъ сахару; одинъ разъ въ день варятъ для насъ пловъ изъ 1 фунта мяса и сала и 4 ф. риса. Моетъ бѣлье два раза въ мѣсяцъ киргизка. Готовитъ обѣдъ, ходитъ за хлѣбомъ и чаемъ одинъ изъ насъ, получая за это 7 руб. Вотъ все наше продовольствіе! Ни ке-

росину, ни дровъ, ни углей ничего не даютъ. Эхъ, тахсиръ, скверно, но самое плохо„—баня“ нѣтъ, „баня“, говорилъ слѣпой, выбирая изъ лохмотьевъ нацоѣдливыхъ насѣкомыхъ. И въ заключеніе, махнувъ съ сокрушеніемъ сердца высохшей, какъ пергаментъ, рукой, добавилъ ломаннымъ русскимъ языкомъ, которому онъ научился въ бытность свою въ русской богадѣльнѣ: „Мирабодъ бсе люча билья“ и поникъ сѣдой головой...

Разспрашивая другого старика, слѣпца, выходившаго побираться на улицу, я, изъ отвѣтовъ его, понялъ, что на это вынуждаетъ его голодъ...

Одинъ изъ богадѣльцевъ заявилъ, что мясо на пловъ идетъ часто изъ сбрѣзковъ козлятины, а сало отъ „саунгаровъ“ (мыльныхъ торговцевъ).

Выходя изъ богадѣльни, я вынесъ такое же впечатлѣніе, когда осматривалъ въ Бухарѣ „зиндоны“ (тюрьмы для тяжкихъ преступниковъ).

Точный подсчетъ расходовъ по богадѣльнѣ на 15, а сейчасъ на 6 человѣкъ, на которыхъ ассигнуются арендныя деньги въ суммѣ 1650 руб. въ годъ или 138 руб. 50 коп. въ мѣсяцъ, оказываются въ слѣдующихъ цифровыхъ данныхъ: чайное довольствіе, считая ежедневно 12 лепешекъ и 12 чайниковъ чаю, и 6 фун. сахару ежемѣсячно, все въ мѣсяцъ—15 руб. 30 коп.; гловъ—1 ф. сала и бараниры, и 4 ф. риса, и приправы—60 коп., а всего 18 р. За стирку бѣлья, два раза въ мѣсяцъ, киргизкѣ-прачкѣ—3 р.; 7 руб. экономщику-служителю, выборному изъ богадѣльцевъ; 5 р. дрова и керосинъ (они расходуются только на кухнѣ), а всего 48 руб. 30 к., скажемъ даже 50 руб., а гдѣ же остальныя? Неужели они пошли на одежду и обувь, когда эти несчастные старики сами заявляли, что уже второй годъ, какъ они не получали верхнюю одежду и обувь, и годъ, какъ бѣлье?

Осмотренная, какъ первый опытъ общественной благотворительности для примѣра сартовъ, такая богадѣльня не только не внушаетъ довѣрія и подражанія, но напротивъ—вызываетъ смѣхъ туземцевъ и даетъ имъ право думать, что и русскія благотворительныя заведенія устроены на такихъ же раціональныхъ началахъ. Вотъ, почему понятны заявленія призрѣваемыхъ стариковъ, что ни одинъ изъ мусульманъ не жертвуетъ въ ихъ пользу ни копейки. Значитъ, не только несочувствіемъ пользуется это заведеніе, но даже и пренебреженіемъ. А вѣдь, кажется, здѣсь и нужно было бы показать всю пользу открытаго дома, поставить его высоко и тѣмъ пріохотить населеніе, и привить ему любовь къ общественной благотворительности.

Но вышло наоборотъ: изъ 15 человѣкъ нѣсколько умерло (занять ихъ мѣста не нашлось охотниковъ), нѣкоторые сбѣжали, а оставшіеся, влача жалкое существованіе, въ сравненіи со своимъ положеніемъ, жизнь уличнаго нищаго считаютъ хорошей!..

А облегчить участь стариковъ, кажется, не такъ трудно. Купить самоваръ, которымъ они могутъ всегда пользоваться для своихъ нуждъ; выдавать каждому по ¼ чаю и по 4 лепешки; усилить мясную порцію въ пловѣ; варить, кромѣ того, шурпу, хотя бы изъ говядины; водить еженедѣльно въ сартовскую баню. Все это будетъ расходовъ руб. на 30. Снабдить одѣялами, подушками и кошмами;

давать два раза въ годъ, согласно сезонамъ, верхнюю одежду и обувь, и смѣны три нижняго бѣлья. Въ зимнее время выдавать уголь для сандаловъ и керосинъ для всѣхъ; нанять отдѣльнаго сторожа, к торый слѣдилъ бы за чистотой келій и обслуживалъ нужды стариковъ.

При дешевизнѣ и неприхотливости костюмовъ и обуви это обойдется не дороже 20 руб. въ мѣсяцъ.

Такимъ образомъ, сглаживая немного жизнь несчастныхъ слѣпыхъ, и такъ уже наказанныхъ судьбой, не только не выйдетъ перерасхода, но получится и изрядная экономія.

—·—

Итоги сельскаго хозяйства за 1908 г. по Ташкентскому уѣзду.

—·—

Отсутствіе саранчи за послѣдніе два года въ Ташкентскомъ уѣздѣ и благопріятныя атмосферическія условія во время весны дали возможность особенно развиться главной культурѣ въ уѣздѣ: а именно культурѣ хлѣбовъ. Посѣвъ пшеницы главнымъ образомъ производится на неполивныхъ земляхъ, т. наз. богарныхъ, и площади запашекъ на этихъ земляхъ въ отчетномъ году особенно увеличились. Посѣвъ пшеницы на богарныхъ земляхъ предпочитается посѣвамъ на поливныхъ въ виду того, что на богарныхъ земляхъ зерно получается больше полновѣснымъ, да и самые урожаи выходятъ лучше. Въ среднемъ на богарныхъ земляхъ съ казенной десятины получился урожай пшеницы 70—80 пудовъ, были случаи урожая до 150 пудовъ съ казенной десятины. Гармъ-сили въ нѣкоторыхъ раіонахъ понизили количество урожая и зерно получилось щуплое, какъ, напримѣръ, раіоны: Акжарской, Булатовской и Алтыновской волостей. Въ общемъ же для культуры хлѣбовъ текущій годъ былъ очень благопріятнымъ и урожай въ среднемъ былъ *хорошій*.

Слѣдующею культурою является культура риса. Сравнительно съ прошлымъ годомъ въ текущемъ условія были лучшія. Особенно благопріятныя условія были осенью, если не считать вторую половину сентября м. сравнительно дождливую. Тѣмъ не менѣе урожайность риса получилась въ среднемъ 250—300 пудовъ съ казенной десятины, что надо признать урожаемъ также хорошимъ. Мѣстами рисовыя поля т кже подверглись дѣйствію гармъ-силя, хотя мало причинившимъ вреда рису. Лучшимъ по качеству рисомъ какъ и всегда надо признать Ангренскій; хотя за послѣднее время рисъ Чирчикскаго раіона, благодаря разливамъ р. Чирчика, также получилъ болѣе лучшія качества, приближаясь по своимъ качествамъ къ Ангренскому. Культура хлопчатника, занимая третье мѣсто среди всѣхъ культуръ въ уѣздѣ, благодаря неудачамъ прошлаго года сократилась почти вдвое. Текущій годъ, хотя и подавалъ сельскимъ хозяевамъ розовыя надежды на могущій быть прекрасный урожай въ результатѣ же получился урожай хлопка *ниже средняго*, въ среднемъ 25—30 пудовъ съ казенной десятины, и встрѣчались хозяйства, гдѣ урожайность была не болѣе 10 пудовъ сырца съ десятины. Такая неудача съ хлопкомъ и въ текущемъ году объясняется 1) слишкомъ поздними посѣвами за непо